

Ричард Цвирлей

КОНТРАБАНДА БЕЗ ПРАВИЛ

Перевод с польского
Г. Пальяновой, И. Пальяновой

Действие детективного романа Ричарда Цвирлея переносит читателей в Польшу 80-х годов XX века. Коммунисты, пропаганда, борьба с инакомыслием, алкоголизм, дефицит и прочие явления социалистической эпохи составляют неотъемлемую часть всего происходящего. Польским милиционерам предстоит расследовать серию жестоких убийств. И все они ведут к железной дороге. Дело осложняет русский след.

...

Отцепленный от состава вагон второго класса международного поезда Познань–Берлин стоял у старого склада. Здание времен кайзера Вильгельма было в лучшем состоянии, чем некоторые построенные после войны, но, несмотря на это, оно перестало выполнять функции склада. Когда-то здесь хранились экзотические бакалейные товары, поставляемые в познанские магазины. Однако сейчас поезда ничего не привозили в Познань из Индии и Африки, поставками всех продуктов питания занималось Воеводское торговое предприятие, и даже та продукция, что причислялась к деликатесам, была лишь тенью воспоминаний о

прежних эксклюзивных товарах. Старый склад, где когда-то пахло цитрусовыми и душистыми пряностями, провонял кошачьей мочой и машинным маслом. Он иногда использовался в качестве ремонтной платформы, когда нужно было быстро отремонтировать вагоны. Сегодня его оккупировали милиционеры.

– Настоящая бойня, – сказал младший лейтенант Олькевич, внимательно разглядывая лужу засохшей крови на полу туалета, после чего сплюнул с отвращением под ноги.

Он освободил узкий проход, чтобы эксперт-криминалист мог пройти. Мужчина протиснулся мимо Теофиля и исчез за дверью туалета. Олькевич вынул из внутреннего кармана потрепанного плаща пачку сигарет «Экстра» и закурил. Он не воспользовался зажигалкой-пистолетом, а обычными спичками. Зажигалка была для особых случаев. Незачем было показывать ее всем подряд.

– Настоящая бойня, – повторил младший лейтенант, посмотрев на сидевшего на деревянном ящике майора Мартинковского. Фред, скрестив руки на груди, смотрел на сновавших по платформе санитаров в белых халатах, собиравшихся перенести завернутый в простыню труп в санитарную машину. Врач Яблонский сделал запись в большом блокноте, вырвал страничку и подошел к Мартинковскому.

– Что скажете, доктор? – спросил милиционер, взяв у врача предварительное заключение о причинах смерти.

– Предварительный осмотр указывает на то, что смерть наступила около восьми часов назад. Мужчина был задушен. Эта петля, что у него на шее, скорее всего, затянулась сама, когда ему отрезали кисть. Руку резали, когда человек был еще жив.

– Вы хотите сказать, – уточнил майор, – что он был жив, когда ему, связанному, убийца медленно отрезал руку?

– Не знаю, насколько медленно, но все выглядит именно так. У железнодорожника были связаны ноги, загнуты назад, затем петля связывала руки, а на другом конце была завязана на шее. Когда убийца отрезал кисть, железнодорожник пытался освободиться. Он дергал ногами, вырывался, а в это время петля все туже затягивалась на шее.

– Изобретение психопата, – возмутился Мартинковский,

несмотря на весь свой опыт, так и не привыкший к выходкам отдельных извращенцев. – Почему он не кричал? – задумался он.

– Наверное, пытался, но громко он не мог кричать из-за петли на шее, и во рту у него была какая-то тряпка. Он мог только стонать, такие звуки легко мог заглушить стук колес поезда, особенно на стрелках. У мужчины рана на затылке. Похоже, на железнодорожника напали сзади, когда он заходил в туалет, он упал и потерял сознание. Тогда нападавший его связал и принялся за дело, – подытожил результаты осмотра врач.

– Наверное, он его ненавидел, – прокомментировал Олькевич, вытирая вымазанные кровью подошвы о цементную поверхность платформы.

– Что? – посмотрел на него Фред.

– Я говорю, что это все ненависть, – объяснил младший лейтенант. – Как у большевиков в двадцатом.

– Что ты несешь, Теофиль? – Мартинковский по-прежнему не мог понять, что Олькевич имеет в виду.

Младший лейтенант бросил окуроч под ноги, затушил его, а затем подошел ближе, чтобы его не услышали лишние уши.

– Такая война была в двадцатом году, – начал он объяснять. – В школе вам об этом не рассказывали, – сказал он офицеру и врачу, смотревшим на него с интересом. – Наши сражались с русскими, то есть с Красной Армией, которая уже тогда хотела осчастливить нас социализмом.

– Знаем, знаем, – сказал врач Яблонский, – это тот киевский поход Пилсудского.

– Хорошо соображаешь, парень, но не все знаешь. – Олькевичу было уже пятьдесят, а его собеседники были моложе почти на 20 лет, поэтому младший лейтенант мог себе позволить говорить слегка покровительственным тоном. – Я говорю о той кампании после «чуда на Висле», когда русские убегали так, что только пятки сверкали.

– При чем здесь это? – Мартинковский нетерпеливо кивнул головой на покойника, которого санитары несли к машине.

– Я же говорю, – обиделся Олькевич, – только вы меня все время перебиваете.

Фред устало махнул рукой, так как знал, что болтливый Теофиль не успокоится, пока ему не дадут выговориться.

– Мой отец участвовал в Великопольском восстании, а потом их полк перевели на берег Вислы, чтобы усилить оборону от большевиков, приближавшихся к столице. Когда в августе прорвали фронт, наши быстро двинулись вперед. Большевики ненавидели поляков, если кто-то из наших попадал к ним, с ним жестоко расправлялись. Ну и отец мне однажды рассказал, что они вошли в одну деревню после того, как из нее прогнали большевиков, и тогда нашли в сарае пятерых парней из своего взвода, которые отправились в разведку и не вернулись. Наши были вот так связаны за ноги и шею, тоже сами себя задушили, только сначала им отрезали руки. Крестьянам из этой деревни кацапы сказали, что они будут польским панам снимать перчатки с рук. Но не успели, потому что наши дали им пинка под зад. Вот я и говорю, что убийца ненавидел жертву, как наши восточные друзья.

– Тогда понятно, откуда идея, – сказал врач.

– Осталось только найти этого большевика, – добавил майор Мартинковский, поднимаясь с ящика. – Но сначала я поеду домой вручить цветы жене.

А этот несчастный, подумал Олькевич, даже не смог бы сегодня вручить цветок женщине, потому что ему правую руку отрезали. Правда, если он левша, то как-нибудь справился бы...

Фред Мартинковский пожал руку врачу, похлопал по плечу остающегося на посту Олькевича и пошел вдоль рельсов в сторону вокзала. На стоянке у центрального входа он оставил свой «Полонез» цвета «песок пустыни», который шутники из отдела называли цветом детской неожиданности.

К счастью, сегодня была выходная суббота, к тому же 8 марта. Если бы это был обычный день, ему пришлось бы мчаться в комиссариат и собирать следственную группу, а так все организует Олькевич, хорошо усвоивший, что нужно делать в таких случаях. Теофиль был безнадежным аналитиком, но на предварительном этапе следствия был просто незаменим. Фред мог быть уверен, что на совещании в понедельник Олькевич доложит о задержании группы людей, из которой можно будет выбрать «временного

подозреваемого», что даст им возможность спокойно работать пару недель. Благодаря этому Фред мог поехать к жене и ребенку, надеясь, что спокойно проведет с ними остаток дня и воскресенье.

Интересно, мысленно анализировал он отпечатавшуюся в памяти картинку, почему убийца выбрал такое неподходящее место для мести. Намного проще убить железнодорожника не в поезде. Нападение было спланировано и подготовлено. Никто ведь не ездит в поезде со шнуром, кляпом и ножом, чтобы отрезать руку. Сразу следует исключить непредумышленное убийство. У кого-то была серьезная причина, чтобы убить этого человека, да еще таким извращенным способом. Если выясним мотив, найдем убийцу. Следует внимательнее присмотреться к убитому железнодорожнику, его знакомым, проверить круг общения. Еще этот поезд. Если это случилось на трассе, убийцу должен был кто-то видеть. Найти свидетеля будет непросто, это сотни пассажиров. От таможенников мы немного узнаем, только о людях, проходивших досмотр. Их данные переписали, милиция установит личности тех, с кем они вместе ехали. Плюс иностранные пассажиры. Хорошо, что Олькевич свяжется с пограничниками и таможней, чтобы сведения о пассажирах к понедельнику были отправлены в Познань... Непочатый край работы.

Он спустился в переход, ведущий к вокзалу. Над его головой медленно проехал поезд. Шум, усиленный стенами подземного перехода, заставил майора остановиться на минуту. Вдруг он почувствовал странную, острую боль в груди. Он не мог дышать. Боль была такой сильной, что он оперся рукой о стену, чтобы не упасть. Это продолжалось около трех секунд и быстро прошло. На висках выступили капельки пота. Скорее удивленный, чем испуганный, он ослабил галстук и расстегнул воротник рубашки. Он вынул из кармана пиджака пачку «Клубных», закурил сигарету и сразу почувствовал себя лучше.

«Что это было?» – подумал Фред. В голове мелькнула мысль, что так, наверное, чувствовал себя железнодорожник, когда петля затягивалась на его шее... Он тут же себя высмеял: «Что за дурацкие мысли. Наверное, я переутомился. Быстрее домой, и больше не думать о всякой ерунде». Сейчас пригодился бы отпуск.

Но он запланировал его с женой на июль. Они собирались поехать в пансионат Фонда отдыха трудящихся в Мельно. Две недели спокойствия на море. Прекрасные перспективы. Стоит запастись чем-нибудь интересным для чтения на пляже, потому что о хорошей прессе, как всегда, можно будет лишь помечтать.

Перед киосками «Рух» в курортных городах уже на рассвете собирались очереди отдыхающих в поисках новой информации и впечатлений. Стоило взять с собой пару книг, потому что у тех, кто, как Фред, вставал поздно, не было шансов в соревнованиях по очередям с ранними пташками. Для них оставались только «Реальность», «Солдат свободы» и иногда «Народная трибуна», а кто это вообще мог читать? Он пошел на Западный вокзал и купил в книжном киоске последний экземпляр романа «Мост слишком далеко».

...

– Не помню, чтобы я здесь когда-нибудь был. Что за малинник? – спросил запыхавшийся младший лейтенант Олькевич. Восхождение на четвертый этаж покрытого лишайником дома XIX века на улице Струся было для него серьезным испытанием. Старший сержант, который шел впереди на правах хозяина территории, остановился на лестничной площадке и посмотрел вниз на уставшего коллегу.

– Обычный притон, – сказал Обрембский. – Ты здесь не был, потому что он работает не больше года. Но активно работает. Его уже все знают в Лазаре. За водкой приходят даже люди с телевидения. Им отсюда недалеко.

На лестнице стоял тошнотворный запах мочи и гнили. Олькевич добрался до нужного этажа и стал рядом с коллегой. Поправил рукой зачесанные на лысый лоб волосы, и оба милиционера подошли к двери справа. Они не ожидали никаких

проблем, поэтому пошли вдвоем. Коваль со своими кулаками был им ни к чему, тем более, как водитель, он не собирался сегодня произносить праздничные тосты.

Участковый постучал, и вскоре старая, покрашенная дешевой, отслаивающейся зеленой краской дверь открылась.

– Ой, наш любимый участковый! – громко прокричала 60-летняя, тучная пани Геня, хозяйка квартиры. На ней был розовый халат, из-под которого виднелась белая комбинация. Губы женщины были накрашены ярко-красной помадой, а глаза обведены черной, слишком толстой линией. Гидроперитные белые волосы прикрывала железнодорожная фуражка. Ее крик ни в коем случае не был выражением восторга при виде милиционера, а сигналом для собравшегося у нее общества. Шум в квартире сразу затих.

Обрембский, не говоря ни слова, отодвинул пани Геню в сторону и пошел на кухню. Он хорошо знал, что именно там проходила общественная жизнь. Женщина мелкими перебежками последовала за ним, оставив Олькевича одного.

Теофиль осмотрелся вокруг. Участковый исчез за последней дверью с левой стороны длинной прихожей. На противоположном конце он увидел застекленную вверх дверь, скорее всего, там был санузел. Справа двойная дверь вела, наверное, в самую большую комнату, догадался Олькевич, слева были еще два входа в комнаты поменьше.

Из кухни доносился громкий голос пьяного мужчины, но Олькевич не обратил на это внимания. Он знал, что Криспин справится с алкоголиком. Они не раз бывали в таких местах, и каждый из них хорошо знал, что делать.

Он взялся за ручку первой двери слева, сильно толкнул ее и заглянул внутрь. Из мебели в комнате был лишь разложенный диван, застеленный серым, грязным пледом, стоявший у окна. Опершись локтями о круглую спинку, на нем стояла на коленях голая ровесница пани Гени. Большие, как арбузы, груди ритмично двигались, а обнимавший ее сзади маленький и худой как щепка мужчина, с козлиной бородкой и длинными волосами, спадающими на плечи, даже не заметил появления незваного гостя.

Олькевич на секунду замер, увидев такую картину, а потом

не выдержал и громко рассмеялся. Они и правда выглядели карикатурно: огромная женщина и маленький мужичок, как цыпленок рядом со старой наседкой. Теофиль подумал, что у его жены Ядвиги, фигурой немного напоминавшей женщину на диване, по сравнению с ней небольшая грудь.

– Хватит кувыркаться, – сказал он наконец. – Милиция вызывает уважаемых граждан на разговор. Предъявите документы, – добавил он, а клиент, наконец его заметивший, замер от испуга.

– Что такое? – выкрикнула женщина. Она подорвалась с дивана, сбросив с себя тощего, и стала, расставив ноги, как будто собиралась напасть на вошедшего. Олькевич был, как всегда, по гражданке, поэтому она отнеслась к нему как к обычному клиенту, мешавшему ей работать. Она сделала два шага и остановилась в метре от него, оценивая свои шансы в драке с лысым нахалом. Теофиль с изумлением заметил, что ее грудь достает почти до пупка.

– Проверка! – ответил он, не отрывая от нее глаз. – Сядь и жди здесь. Я сейчас вернусь и тебя проверю, – приказал он. Он решил, что сначала осмотрит остальные комнаты и вернется сюда, чтобы внимательнее к ней приглядеться.

Женщина посмотрела на него, все еще ничего не понимая.

– Какая еще проверка, извращенец? Иди отсюда, это частный номер.

– Милицейская проверка, я бы даже сказал, общественного порядка, – сказал, широко улыбаясь, Теофиль, потянувшись при этом к подмышке, где у него была кобура с пистолетом. Но ему не пришлось доставать оружие. Он сразу заметил, что она спустила пар. Она вдруг вспомнила, что не одета, и попыталась прикрыться руками. Олькевич нахмурил брови, переводя взгляд с нее на мужчину.

– А ты иди на кухню, там пан сержант ведет учет. Давай быстро, – он посмотрел на него угрожающе, но не выдержал и опять захохотал, заметив растерянность клиента.

Женщина хотела что-то добавить, но Олькевич погрозил ей пальцем, указал место на диване, где она должна его ждать, и вышел из комнаты.

Мужчина с рубашкой и ботинками в руках быстро прошмыгнул

мимо него и послушно пошел на кухню. Милиционер, больше не обращая на него внимания, пошел на другую сторону прихожей и толкнул двойную дверь в комнату, которая в лучшие годы этой норы могла быть гостиной. Он увидел перед собой лежавшую на кровати обнаженную, молодую симпатичную девушку, совершенно не вписывавшуюся в убогую обстановку. Посмотрев на ее улыбающееся лицо и рыжие волосы, он даже подумал, что огромная грудь той женщины ничто по сравнению с молодой попкой, и в сложившейся ситуации он предпочитает допросить рыжую. Он сделал шаг вперед, и в этот момент что-то тяжелое опустилось на его плечи. Он почувствовал резкую боль, прошившую позвоночник, но попытался повернуться в сторону нападавшего. Мельком он заметил мужчину в железнодорожной форме, замахнувшегося, чтобы нанести очередной удар. Олькевич прикрыл голову рукой, но, несмотря на это, мужчина, державший в руке немецкий парабеллум, попал в висок.

Милиционер крикнул от боли и с грохотом упал на пол. Железнодорожник долго не раздумывал. Он схватил с кресла плащ, перепрыгнул через лежавшего и выбежал в прихожую.

Обеспокоенный странными звуками, Обрембский бросил переписывать данные компании на кухне и выскочил в прихожую. Железнодорожник с плащом под мышкой был уже возле двери.

– Стой, стрелять буду! – крикнул участковый, заметивший ноги Теофиля в дверном проеме на полу и быстро сообразивший, что произошло. Он стал отстегивать кобуру на поясе, но не успел вынуть пистолет. Он увидел ствол парабеллума, направленный прямо на него, а потом раздался громкий звук выстрела.

Участковый удивленно посмотрел на дыру в кителе над левым карманом, к которому был пристегнут значок «За образцовую службу», и это было последнее, что он увидел. Он упал спиной на дверь ванной и осунулся на пол, оставляя на белой поверхности размазанную кровавую полосу...

Сержант Гжегож Коваль за всю свою жизнь слышал множество выстрелов. Но те, с которыми ему приходилось иметь дело, легко было идентифицировать. Это были выстрелы на стрельбище, произведенные его коллегами и иногда им самим. Лишь однажды

он участвовал в настоящей перестрелке во время преследования известного познанского «охотника за головами». Тогда в первый и, он надеялся, в последний раз он был на волосок от смерти. Если бы тот стрелял лучше... Страшно подумать.

Поэтому он хорошо знал, что этот звук невозможно перепутать с каким-либо другим. Сейчас, сидя в кабине служебного микроавтобуса, он узнал этот щелкающий и одновременно грохочущий звук и не раздумывал ни секунды. Он вынул свой пистолет из кобуры, выскочил из машины и побежал к подъезду, в который раньше вошли милиционеры. Уже внутри он заметил, что по лестнице спускается железнодорожник.

– Вы слышали? Кто-то стрелял... – обратился к нему сержант Коваль.

Железнодорожник кивнул головой и вдруг вытащил из кармана пистолет. Не целясь, он нажал на курок, но промахнулся. Уверенный, что попал, он удивленно посмотрел на Ковалья, который вместо того, чтобы упасть, молниеносно встал на колени и приготовился к выстрелу, целясь в нападавшего. Первая пуля попала в левую руку. Железнодорожник пошатнулся и выстрелил еще раз. Сержант почувствовал, что пуля оцарапала ему висок, но не выпустил пистолет из рук. Он перевернулся на бетонной площадке и, падая, разрядил всю обойму, стреляя наугад в направлении, где стоял преступник. Вдруг в подъезде стало очень тихо. Последнее, что запомнил теряющий сознание милиционер – это чьи-то шаркающие шаги на лестнице.

...

Зеленый трамвай № 14 с грохотом подъехал к остановке напротив улицы Пулвейской. Официально она называлась не Пулвейской, а Дзержинского. Улицу назвали именем Железного Феликса еще в 50-х, но для жителей Познани эта пешеходная улица,

ведущая к Старому Рынку, по-прежнему была Пулвейской. Ни один уважающий себя познанец не стал бы встречаться с друзьями в пивной на Дзержинского.

Теофиль Олькевич поднял голову и недовольно выругался. Как всегда, когда он спешил, приезжал не тот трамвай. Сегодня он очень спешил, потому что из-за Ливера, с которым они накануне много выпили, он проспал, а он хотел прийти до появления Мартинковского, чтобы все окончательно обдумать и представить предварительный отчет о своих действиях и череде успехов. К сожалению, он проснулся позже, поэтому вся надежда была на пятерку: если бы она приехала в течение десяти минут, она могла бы довезти его на Домбровского почти до самого комиссариата. Но приехал четырнадцатый, хоть и ехавший за Вокзальный мост, но сворачивавший влево вглубь Глоговской, а не в ту сторону, куда нужно было Теофилю.

Не выспавшийся и расписовавшийся из-за идиотского расписания движения трамваев, Олькевич выплюнул только что закуренную сигарету и сел в четырнадцатый. Он подошел к компостеру, вложил в широкое отверстие сверху проездной на десять поездок и потянул на себя ручку с пластмассовым наконечником. Компостер хрустнул, выгрызая очередное отверстие в картонке, после чего можно было вынимать проездной. Он огляделся вокруг, хотя знал, что свободных мест уже не будет. В это время в трамвае было не слишком многолюдно, но все места были заняты. Большинство из них занимали наглые студенты, ехавшие на занятия в центр города из общежитий на Роха и Заменгофа. С разложенными на коленях конспектами или разглядывающие пейзаж за окном, делавшие вид, что не замечают женщин с сетками и Теофиля, низкорослого лысеющего толстяка в костюме, лучшие годы которого прошли во время Радомских волнений. Плащ, который был на Теофиле, был еще старше. В конце 60-х он купил его на Лазаревском рынке у какого-то моряка. Кажется, его привезли из Франции, но Олькевич был уверен, что это американский стиль, потому что на метке было написано на иностранном языке «burberry». Он еще больше убедился в происхождении своего плаща, когда по телевизору показали фильм о детективе Коломбо с этим

косоглазым актером. Фильм был так себе, немного глупый, считал Теофиль, потому что расследования, которые вел этот полицейский, не имели ничего общего с действительностью. Он объяснял жене, обожавшей этот фильм, что ни один нормальный полицейский не тратил бы столько времени на общение с подозреваемым или на распутывание каких-то загадок. В любой нормальной стране, говорил он, подозреваемый попадает за решетку на 48 часов. Когда надо, получает по голове, чтобы лучше думалось, а если не соберется с мыслями, то получит три месяца ареста, и потом срок можно продлять несколько раз. А этот детектив в мятом плаще слонялся без дела, тратил время, которое пригодилось бы ему для составления протокола задержания. Главное, Теофиль убедился, что у него американский плащ, и каким бы ни был этот полицейский из Америки, он все-таки был коллегой, и неплохо было одеваться, как сотрудники в иностранных государствах, хоть и с непрогрессивными взглядами, но развитых в других сферах.

Трамвай проехал мимо автовокзала и начал медленно вползать на Вокзальный мост. Олькевич смотрел вниз на толпу людей, ожидавших поезда, прибывавшего на четвертый перрон Центрального вокзала. Он вспомнил о железнодорожнике с отрезанной рукой. Это выглядело ужасно. Он начал вспоминать, видел ли он раньше что-либо подобное. Единственная аналогия, которая пришла ему в голову и появилась сразу, как только он увидел убитого в вагоне, это история о войне с большевиками. Его вдруг осенило: если у нас никто не отрезал никому руки, потому что головы случалось, значит преступник не местный. А откуда? – спросил себя Теофиль. Вот именно, если дальше идти по этому следу, существует лишь один ответ. Преступником может быть русский большевик, потому что это их методы.

Он посмотрел на свое отражение в окне трамвая и сам себя испугался. Что за безумные мысли приходят мне в голову. Под арестом сидит стрелявший железнодорожник, у него нашли пистолет в кармане, есть этот Грубинский, его шеф, то есть все сидят. Поэтому не стоит рассуждать о большевиках. Они ведь наши союзники и друзья, зачем им отрезать кому-то руки, успокаивал он себя. Но это не помогло. Его спокойствие и радость по поводу успехов последних

двух дней лопнули как мыльный пузырь. Все так хорошо сошлось, как вдруг появился этот большевик и перевернул все с ног на голову. В этот момент со стороны Глоговской на Вокзальный мост въехал зеленый военный ГАЗ с иностранными номерами. Теофиль увидел в кабине двух мужчин в советской форме и разозлился на товарищей с востока еще больше.

– Проклятые большевики, черт бы их всех побрал.

– Вы абсолютно правы, уважаемый пан, – сказала стоявшая рядом пожилая толстуха в мохеровом берете и черном пальто.

– Что? – удивился Олькевич.

– К черту коммунистов, а Ярузельского пусть дверью прищемит за все наши страдания.

До него только сейчас дошло, что из-за всех этих переживаний он высказал последнюю мысль вслух. Женщина приняла все за чистую монету и ответила ему, почувствовав в нем родственную душу. А он не был родственной душой, он был сотрудником Гражданской милиции. Но он посмотрел на улыбающуюся женщину и сказал, как будто оправдываясь:

– Мой отец сражался с ними на войне в 20-м году.

– Вот видите, если бы наши тогда всю эту наволочь истребили, сейчас катались бы как сыр в масле, а не жили, как скот в красном свинарнике.

– Правда, уважаемая пани, – вмешалась в разговор другая, тощая и более голосистая. – Надо было всех красных сослать в Сибирь, пусть бы там порядок наводили. Моего мужа за «Солидарность» уволили с работы, и теперь ему приходится работать в частном хозяйстве. Так красные голодранцы здесь командуют. А у самих рожки сытые, потому что все получают без карточек.

– И пусть заберут с собой подонков из милиции.

Олькевич втянул голову в плечи, на лбу выступил пот, он по-настоящему испугался – вдруг кто-то услышал и донесет, что он с женщинами в трамвае вел антисоциалистические беседы. Съездившись, он повернулся к выходу, но трамвай не спешил к остановке. Как на зло, он остановился на светофоре, а женщина в берете вовсе не собиралась заканчивать разговор. Возле Теофиля собралась толпа. Тихий обмен мнениями перерос в громкие

возмущения. В салоне то здесь, то там раздавались недовольные голоса и слова поддержки для оппозиции.

– Отец этого пана бил этих сволочей, когда наши в Киев на их спине поехали, – сказала мохеровая тетка, показывая пальцем на вспотевшего милиционера с глупой улыбкой на лице.

– Что вы говорите? Есть еще настоящие поляки, кроме «Солидарности», конечно, – сказала тощая.

– Пики и сабли готовь день и ночь, большевиков гони прочь, прочь, прочь, – запел старичок, после чего похлопал Олькевича по спине. – Мы и сейчас им покажем, если понадобится. наших познанских полков они так боялись, что босые от них убегали. Наши резали их как телят. Страшно было смотреть, потому что после атаки познанцев нечего было собирать. Передавай привет своему отцу от Мартиняка из Ежиц.

– Люди, на хуй эту власть! – громко выкрикнул пьяный пассажир, до этого спавший праведным сном на сиденье возле двери.

Господи, пусть трамвай не стоит, потому что меня скоро понесут как Падеревского на площадь, мысленно молился милиционер, к которому со всех сторон потянулись руки. Все хотели прикоснуться к человеку, рискнувшему высказаться против русских. Наконец трамвай поехал, быстро преодолел расстояние до остановки рядом с Западным вокзалом. Дверь открылась, и Олькевича буквально вытолкнули на тротуар перевозбуждившиеся патриоты.

– Долой коммунистов! – скандировали студенты, вышедшие из трамвая.

– Найдется управа на генерала, – выкрикивали длинноволосые молодые люди, а женщина в мохеровом берете им аплодировала.

– «Лех» лучше всех, – заорал прыщавый подросток, не вписавшийся в общее настроение.

Бегом отсюда, подумал Теофиль и поспешил в сторону «Адрии». Он перебежал «зебру» на красный свет и чуть не угодил под мчавшийся на большой скорости грузовик «Робур». Приблизившись к боковому входу на рынок, он остановился у киоска «Рух» и оглянулся. Он с удивлением заметил, что собралась довольно

большая группа антисоциалистических элементов. Однако у этого собрания не было шансов на продолжение. Со стороны вокзала к остановке бежали двое сотрудников моторизованных отрядов милиции. Еще трое выходили из здания вокзала.

Моя глупость чуть не привела к революции, подумал младший лейтенант Олькевич и, злой на себя, пошел к остановке по другую сторону Вокзального моста, откуда он мог наконец добраться на работу.

...

Было прохладно, в придачу ко всему начал моросить дождь. Движение транспорта в центре Познани не было уже таким интенсивным. Проехали утренние автобусы и трамваи, доставившие взрослых на работу, а детей в школы. Сейчас улицы заполнили грузовые «Нисы», «Жуки» и «Стары», развозившие товары по магазинам. Хоть на складах было пусто, поставки из Воеводского торгового предприятия и Всеобщего потребительского кооператива осуществлялись ежедневно, потому что они были запланированы несколько месяцев назад, и грузовики должны были ездить даже полупустыми.

Старший лейтенант Бродяк вышел из трамвая № 5 на остановке рядом с площадью Капонир. До перехода было всего несколько шагов. На противоположной стороне площади, сразу за кинотеатром «Балтика», стояло старое здание студенческого общежития «Иовита». Над крышей возвышалась давно погасшая неоновая реклама аккумуляторов «Центра». Яркий пример абсолютного абсурда, так как рекламировался товар, недоступный в магазинах. Аккумуляторы были дефицитным товаром, если они иногда появлялись в продаже, их сразу раскупали. Им не нужна была реклама, каждый произведенный экземпляр быстро находил своего покупателя. Но на предприятии «Центра» была, по-видимому, такая статья расходов, и поэтому появилась эта неоновая реклама.

Бродяк быстро прошел по подземному переходу под площадью и вышел с другой стороны, возле касс кинотеатра. Общежитие было прямо перед ним. Это место было первым следом, который им с Ричи удалось обнаружить. Вчера они вместе пошли в «Магнолию», потому что именно там развлекался накануне убийства валютчик, который, как утверждал Грубинский, и был убийцей. Со слов Тунё Клыка с ним была рыжая девчонка. От Теофиля он успел узнать, что рыжеволосую девушку видели на Струся. Вчера им удалось выяснить, кто она и где живет.

Им помогла Зуза, представительница древнейшей профессии, проводившая много времени в «Магнолии».

– Можно пригласить вас на танец? – спросил Ричи, наклонившись над ухом крашеной блондинки, сидевшей за барной стойкой. Женщина повернулась, посмотрела вверх, а когда увидела лицо Толстого Ричи, заулыбалась.

– Рикардо, дорогой, с тобой я могла бы танцевать всю ночь и даже дольше, – рассмеялась Зуза.

– Нет времени на развлечения, у меня к тебе серьезное дело. Присоединишься ко мне и моему другу? – он указал на столик неподалеку, за которым сидел Мирек Бродяк и пил напиток красного цвета.

Вскоре Зуза сидела за их столиком.

– Эта рыжая живет в общежитии. Она только начинает и появляется здесь время от времени. Но она симпатичная и делится заработком, поэтому ее никто не обижает. Ее зовут Марлена, живет в «Аккумуляторах», но ее фамилии в моей записной книжке нет, здесь нужно знать только, как к кому обращаться, а в паспорт не заглядывают.

– Марлена – это имя или творческий псевдоним? – спросил Ричи.

– Ты спрашивал имя, вот я и говорю, а здесь она работает как Саманта. Когда она была здесь в последний раз, она развлекалась с твоим человеком, с головой, как русский квадрат, шесть на девять. Сорили деньгами, как будто выиграла в лотерею. А с ними за столиком сидели еще двое, болтали по-русски. Один из них даже хотел меня снять, но оказалось, что из валюты у него только

рубли, так что я не стала с ним связываться, такую валюту только на сувениры раздавать, а не к порядочной женщине приставать. В рублях пусть платит в Совете экономической взаимопомощи, но только не здесь.

– Он что-нибудь говорил, чем занимается или что здесь делает? – поинтересовался Бродяк.

– Говорил, что он офицер, и поэтому богатый, что у него много золота. Я, действительно, насчитала у него восемь золотых зубов.

– Офицер? – переспросил Мирек. – Им ведь не выдают пропуска, они все время сидят в казармах.

– Он сказал, что он специальный офицер, разведчик или что-то в этом роде.

– Шпион? – удивился Грубинский.

Что в такой компании делали русские? – задумался Мирек Бродяк, переступая порог общежития. Мужчина, убивший железнодорожника, так, по крайней мере, считал Толстый Ричи, накануне убийства проводил время с рыжей Марленой и русскими офицерами. Если с девушкой у него не будет проблем, потому что он разыщет ее в общежитии, то с русскими все не так просто. Если они вернулись в казарму, они их никогда не найдут. Командование советских частей, расквартированных в Польше, неохотно сотрудничало с местной милицией. А точнее вообще не сотрудничало, любой след, касающийся уголовных преступлений, совершенных красноармейцами, доходил до ворот военной части и там терялся.

Бродяк остановился перед застекленной внутренней дверью, дернул за ручку, но дверь не открылась. Он постучал, разглядывая небольшой вестибюль. Слева находилось окошко, за которым должна сидеть вахтерша. Он увидел внутри седую голову в очках, смотревшую на него достаточно враждебно. Голова исчезла, а потом к окошку подошла одетая в синий халат вахтерша.

– Посещений нет, – пробурчала она и хотела отвернуться, но Бродяк быстро среагировал. Он приложил к стеклу черное служебное удостоверение Воеводского управления внутренних дел и, постучав по нему пальцем, указал на документ.

Женщине, очевидно, было знакомо такое удостоверение,

потому что ее поведение резко изменилось, а на лице появилась заискивающая улыбка. Она подбежала к двери и открыла ее изнутри:

– Извините, пан офицер, в этом бардаке я уже не знаю, что мне делать, кому можно войти, а кому нет. Вам, конечно, можно, но заведующей еще нет, только уборщицы, но они ничего не знают, а подружки из соседней комнаты не все сейчас в общежитии, смотря с кем вы хотите поговорить, так я скажу, кто есть, а кого нет.

Бродяк остановился и внимательно посмотрел на тараторившую женщину.

– Рыжеволосая девушка, Марлена... – сказал он осторожно, но вахтерша его сразу перебила:

– Так ее уже забрали работники морга из Ежиц, того, что справа, как идти по Домбровского от Ежицкого рынка, – начала она объяснять остолбеневшему офицеру. – Но только после того, как ваши коллеги собрали все следы и что там еще надо, отпечатки пальцев. Только после этого ее забрали, уже поздно вечером, а так целый день мертвая лежала на своей кровати, потому что милиционеры не разрешили ее трогать, что-то там искали возле нее и даже под кроватью, перевернули все вверх дном. Но законно, по работе.

Бродяк быстро принял решение:

– Мне нужно поговорить с девушками, которые были с ней знакомы, но я их не знаю. Что-то мне подсказывает, что вы лучше всех знаете, к кому мне нужно идти. Я прав?

– Конечно, – охотно подтвердила она, а потом отвернулась и крикнула:

– Мариан, покажи пану, куда идти. Слышишь?

– Слышу, – отозвался мужской хриплый голос, принадлежавший кому-то, кто сидел внутри и не был виден из вестибюля. – Только обуюсь и уже иду.